тексте дюркгеймианской теории, часто чрезмерно упрощаемой. Более того, Батай, вероятно, самый последовательный дюркгеймианец, поскольку именно он углубляется в вопросы, поставленные Дюркгеймом, но оставленные без ответа; прежде всего, о возможности сообщества в современном мире. Заслуга Батая в том, что он угадывает суть сакрализации в высвобождении нечто из рабства утилитарного мира путем качественного изменения (вплоть до уничтожения) ради возвращения к полноте жизни — континуальности, имманентности, интимности, означающей отсутствие каких бы то ни было различений; заслуга автора «Святой негативности» в том, что ему удается прояснить это.

П. Врублевская

***Шнирельман В.* «Колено Даново». Эсхатология и антисемитизм в современной России. М.: Издательство ББИ, 2017. — 631 с.**

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-4-349-356

Виктор Александрович Шнирельман, выпустив еще один *opus magnum*, уже не в первый раз поражает своих читателей фундаментальностью замысла и редкой точностью, дотошностью его исполнения.

С одной стороны, в этом огромном томе сведены воедино несколько ключевых параметров современной российской культуры, притом что постсоветская «современность» обращена, как в зеркало, в досоветское прошлое, преимущественно на рубеж XIX-го и XX вв., и притом что там, в роковом российском *fin-de siècle*, в свою очередь, были задеты вековые глубинные нервы иудео-христианской религиозной памяти. Задача автора — сделать по возможности зримыми, прочерченными некоторые смутно ощущаемые, но не вполне очевидные связи между несколькими крупными феноменами, среди коих: во-первых, христианская эсхатология как богословская традиция и культурная практика; во-вторых, фольклорно-городской апокалиптизм, свойственный «турбулентной», по определению автора, российской истории XX в.; в-третьих, юдофобия (а заодно и юдофилия) как одновременно религиозный и этнонациональный нарратив-паттерн; в-четвертых, старая и современная российская мифо-парадигма цивилизацион-

ного, почвенного антизападничества, антилиберализма и антиглобализма; наконец, в-пятых, российская право-политическая и националистическая субкультура. Интуитивные связи и пересечения между всеми эти разными вещами Шнирельман стремится сделать проявленными, логически внятными, причинно-объяснимыми.

С другой стороны, объем обработанных, перелопаченных материалов кажется невероятным. Погружение в начало XX в. — плотное, с огромным количеством имен и текстов; погружение в начало XXI в. — уникальное по количеству действующих лиц, документов, высказываний, свойственное автору с его отлаженной, индивидуальной, до нюансов отточенной этнографической техникой, основанной то ли на исключительной памяти, то ли на волевой самоорганизации, то ли на том и другом вместе.

И вот, кратко, содержание работы. Глава об истоках — исторический обзор, начиная в основном с позднеимперского периода — по структуре кажется вспомогательной, но занимает значительную, пятую, часть всей книги. Шнирельман пытается дать описание христианской и, в частности, православной эсхатологии, с точки зрения включенного в нее, в качестве ее важной парадигмы, антииудаизма. Здесь фигурируют стереотипно, отстраненно-догматически юдофобские школьные богословы; глубже, антисемитски рефлектирующие С. Булгаков и В. Розанов; мыслители, условно говоря, юдофильской линии — от Вл. Соловьева до Н. Бердяева; и, наконец, активные православные писатели-публицисты — во главе с Сергеем Нилусом. Здесь, в котле революционных драм, уже расставлены и проговорены основные понятия, складывающиеся в дискурс: апокалипсис и миллениум; Антихрист и катехон («удерживающий» от прихода Антихриста монарх или народ); троп *peccatum Iudaeorum* — греха иудеев, постепенно перетекающий, под влиянием расового поворота и антиглобалистской конспирологии, в «еврейский (жидомасонский) заговор». Далее — параграфы, посвященные советскому периоду, прописанные более пунктирно, что автор объясняет почти отсутствием богословской рефлексии в СССР, тогда как богословие эмиграции можно считать, в значительной мере, продолжением предреволюционной традиции.

Затем автор последовательно разворачивает главную тематику книги: общие культурные рамки постсоветского апокалиптизма; взрыв републикаций текстов Нилуса и других антисемитски окрашенных пророчеств; апокалиптический антисеми-

тизм ультраправой (националпатриотической) постсоветской прессы и литературы; церковная православная эсхатология; массовые фобии, связанные с индивидуальными налоговыми номерами и другими сходными пророчествами. В конце книги автор добавляет главу о сходных явлениях «за пределами Церкви» — в движениях «Белое Братство», «Богородичный Центр» и «Церковь Последнего Завета», а также небольшую сравнительную главу об американском милленаризме, который автор называет «эсхатологическим оптимизмом», с его принципиально иным, положительным отношением к евреям и их государству.

При такой насыщенности и многослойности некоторые издержки книги кажутся неизбежными — например, определенный структурный сумбур последних глав (позиция православной иерархии освещается после неправославных движений; отдельная главка об убийстве оптинских старцев кажется не вполне интегрированной; глава об американском милленаризме, при всей уместности сравнения, кажется поверхностным довеском и т. д.). Нагромождение имен и изданий, за которыми порой трудно уследить, которые появляются, потом исчезают и через несколько страниц выныривают вновь на поверхность, так же как и обилие цитат, иногда трудно воспринимаемых в бесконечной их череде, — все это, как и упомянутую выше некоторую структурную рыхлость, можно было бы отнести к «недостаткам, являющимся продолжением достоинств». Автор «переогромлен» своим материалом, и работа по его систематизации чрезвычайно затруднена, тем более что речь идет о постоянно меняющейся в «реальном времени», трудно уловимой картине.

Богатство отдельных выводов и основательность общей конструкции книги не подлежат сомнению; иногда, впрочем, появляется желание их оспаривать или задавать новые вопросы, что в совокупности и есть залог продуктивного исследовательского процесса.

Попробуем еще раз пробежать по страницам книги, попутно фиксируя некоторые выводы, которые представляются важными. Задача Шнирельмана — показать связь между христианской эсхатологией и юдофобией (антисемитизмом), показать, как они проникают друг в друга. Насколько неизбежно, неустранимо такое взаимопроникновение? Автор исходит из постулата, что, во-первых, «христианской перспективе» во взглядах на историю свойственна именно апокалиптическая (катастрофическая) эсхатология, и что, во-вторых, изначальный антииуда-

изм, то есть идея «греха иудеев», естественным образом переносится на Конец света и превращается в аргумент финальной космической драмы, соединяясь с образом Антихриста и «колена Данова». И хотя в целом подобная схема в книге доминирует, сам автор достаточно осторожен, чтобы избежать слишком однозначных отождествлений. Конечно, надо понимать, что «христианская перспектива истории» — довольно широкое понятие, которое может и не включать антииудаизм; более того, эта «перспектива» хотя и по сути эсхатологична, но необязательно катастрофична, и интерес к апокалипсису для нее в целом маргинален. Автор напоминает, что Поместный собор 1917–1918 гг., в самый разгар реально разворачивающейся катастрофы и в те дни, когда Василий Розанов писал «Апокалипсис нашего времени», намеренно противостоял чрезмерному катастрофизму (с. 16). И до, и после Революции в российском православии, да и в западной христианской традиции на протяжении многих веков, ожидание Антихриста и его связь с евреями вспыхивали — чаще независимо друг от друга — в отдельные моменты особого социального напряжения, на переломах, но христианская эсхатологическая мысль и, если можно так сказать, литургическая рутинная повседневность чаще обходились без этих двух элементов.

Что верно, то верно: как замечает Шнирельман, если интерес к апокалиптической (катастрофической) эсхатологии на Западе в Новое время неуклонно падает и Антихристом мало кто интересуется всерьез (sic! впрочем, стоит помнить об американском милленаризме XIX в.), то в России, начиная с Раскола и кончая Революцией, этот персонаж, связанные с ним страхи и, так сказать, прикладная эсхатология конспирологических пророчеств сохранялись в облаке популярных культурных мифов. Но вспыхивали они только время от времени, на крутых переломах. В России конца XX в. имела место очередная, хотя и недолгая, вспышка такого рода, которая постепенно угасла к концу 2000-х, что отразилось в приглушенности и массовых страхов, и соответствующего богословского дискурса (с. 41). «Эсхатологическое учение Церкви» (название общецерковной богословской конференции РПЦ, проведенной в 2005 г.) ориентировано на ожидание Христа, а не Антихриста (с. 141).

То же самое касается второго элемента этой гремучей смеси — «колена Данова». Интерес к нему падает в XXI в. вместе со снижением социологически фиксируемого антисемитизма. Невелик был интерес к этому

сюжету и в XIX в., даже у таких страстных прорицателей, как архимандрит Феодор (Бухарев); или у разработчика идеи русского царя как *катехона* профессора духовной академии Александра Беляева; или у оптинских и афонских старцев и многих других.

Но тут происходит следующее: смещение дискурса из области богословия в область расовой идеологии, от христианского антииудаизма — к антисемитизму. Расовый, этнический антисемитизм с конца XIX в. — новое явление, возникшее на почве этнически окрашенного национализма, когда отношение к евреям становится квинтэссенцией всех модерных ксенофобий. Это отношение оформляется сначала в Европе, а затем оттуда (прежде всего, как показывает Шнирельман, из Франции) импортируется в Россию и находит себе прекрасную почву в популярной околоправославной апокалиптике. Главная фигура, связавшая эту апокалиптику с новыми антиеврейскими фобиями, — это, разумеется, Сергей Нилус. Именно Нилус соединяет образ Антихриста-иудея с подозрением во всемирном «жидомасонском заговоре». Между прочим, интересно замечание о том, что Нилус использует построения Вл. Соловьева, только переставляя акценты — к вопросу о старой догадке относительно корневого сходства юдофилии и юдофобии. (Да и тот же Розанов, пожалуй, демонстрирует эту амбивалентность в одном лице!)

Сионские мудрецы изданных Нилусом «Протоколов» — это и грядущее воинство Антихриста, и мировое правительство. После «Протоколов» православная литература — и популярная полуанонимная, и профессорско-богословская — наполняется соответствующим языком, который доходит до оголтелой экзальтации в эпоху революций по мере того, как идет параллельный процесс эмансипации евреев. Сама Революция для огромного количества современных христианских наблюдателей, потом уже и в эмиграции, становится лучшим доказательством пророчеств. Большевики, как подчеркивает автор, ассоциировались не только с «монгольскими ордами» (с. 89). Кстати, это крутое изменение еврейских судеб, как мощный аргумент в эсхатологическом дискурсе, заслуживало, по-видимому, большего внимания.

В постсоветский период гремучая смесь апокалиптизма и антисемитизма, как было сказано, снова взрывается, отчасти напоминая атмосферу столетней давности. Разумеется, автор концентрируется именно на этой смеси и с дотошностью истинного, так сказать, социального энтомолога приводит огромное ко-

личество имен и цитат из своей богатой коллекции. Он, например, перечисляет все издательства, которые переиздали С. Нилуса, особенно его «Близ есть, при дверех». Далее на страницах периодики и книг встречаются люди более или менее знакомые, как К. Душенов, А. Шаргунов или А. Дугин, и гораздо менее известные, а то и анонимы.

Автор многократно подчеркивает, следуя присущей ему верности конкретному факту, что единомыслие среди всех этих авторов отсутствует. Однако мы видим, по крайней мере, одно: существует некоторый социальный заказ на такую литературу. Один из упоминаемых авторов в своей книге, оживляющей разные конспирологические пророчества, подчеркивает свою «беспристрастность», предлагая разные версии и приглашая читателей сделать выбор самим — риторический прием в расчете на антисемитские инстинкты читающей толпы.

Главный вопрос, который встает при подробном обзоре всех этих постсоветских вариаций: насколько репрезентативны и/или маргинальны экспонаты из коллекции Шнирельмана? Величина и мощь книги заставляет серьезно отнестись к этому феномену. Но надо все же помнить, что постсоветская гласность выбросила на свет невероятное количество *всего*; это был небывалый взрыв информационной активности, по-видимому, превосходящий даже бурные 1900-е гг. В этом общем потоке и пророчества о конце света, и намеки на злоучастие в нем евреев могут затеряться как маргинальные. Это же касается апокалиптических практик, таких как сопротивление введению ИНН и стоящих за ними православных старцев-духовников, и политически-активных праворадикальных групп. Важнейшая методологическая задача — требование фактической соразмерности, осознание опасности преувеличения. Она, в свою очередь, подводит к теоретической проблеме о социальной роли мифов и о когнитивном механизме стереотипных ожиданий; предположению о некотором облаке смыслов, о массовом *лоре*, который дремлет, но остается потенциально значимым и взрывоопасным. Случайно ли, например, в год столетия убийства царской семьи — оживление мифа о «ритуальном убийстве»?

В этой книге В. Шнирельман не стремится к лобовому обсуждению теоретических вопросов. Но еще один важный вывод должен быть отмечен: идея о том, что русский апокалиптизм (или милленаризм) мог быть и был не только антисемитским, но и антизападническим; и что, возможно, это даже более сильный поток русской пра-

вославной (и неправославной) мысли[1]. Так было в XIX в.; в начале XX в. антисемитизм был, пожалуй, сильнее; а в послевоенной советской истории и в начале XXI в., безусловно, возобладали схемы, связывающие упадок и конец с глобальной гегемонией либерального Запада. Разумеется, при желании антизападничество легко рифмуется с антисемитизмом, но чаще всего обходится и без него, что автор демонстрирует на многих примерах, хотя это и уводит его несколько в сторону от магистральной темы.

Этой работой, пишет Шнирельман во введении, завершается трилогия, первые две части которой были посвящены «хазарскому мифу» и «арийскому мифу» в русской культуре[2]. Все три исследования связаны, конечно, одной магистральной темой — антисемитизмом. В большей степени речь идет об идеологических, дискурсивно оформленных практиках и в меньшей степени — о массовом, имплицитном, неоформленном антисемитизме, хотя время от времени и эта часть темы всплывает в его работах.

Антисемитизм — неудобная тема с точки зрения академического исследования. С одной стороны, есть нормативные постулаты и ясные оценочные требования, выходящие за рамки академических штудий: антисемитизм, как наиболее концентрированная форма ксенофобии, давно полагается как безусловное зло. С другой стороны, академический этос требует объективности, взвешенности и осторожности, дабы не подменить фактическую верификацию эмоциональным порывом. Шнирельман документирует каждый свой шаг; снимает со своих персонажей обвинения даже там, где они интуитивно ожидаемы, но не доказаны. Однако он не скрывает своей неприязни в отношении тех людей и тех слов, которые заслуживают осуждения. Время от времени текст взрывается оценочной иронией («о ужас!» — добавляет он в скобках, цитируя очередной антисемитский пассаж; или говорит о том, что очередного автора «обуревают» идеи «православной глобализации», противопоставленной коррумпированному Западу). Желание быть по возможности политически корректным при изложении сомнительных построений, а по-

1. Из сравнительно недавних работ на эту тему см. Demacopoulos, G., Papanikolaou, A. (eds) (2013) *Orthodox Constructions of the West*. NY: Fordham University Press.

2. *Шнирельман В.* Хазарский миф. Эволюция политического радикализма в России и ее истоки. Иерусалим: Мосты культуры, 2012; *Шнирельман В.* Арийский миф в современном мире. Эволюции арийского мифа к России. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

рой и безумных пророчеств своих персонажей заставляет Шнирельмана прибегать к такому простому языковому приему, как слово «якобы», которое встречается в книге 566 раз, то есть почти на каждой странице.

При этом автор, по большому счету, отнюдь не желает прослыть бесстрастным наблюдателем, и я считаю совершенно необходимым самым недвусмысленным образом поддержать его в этом! Автор признает общее снижение явного, публичного антисемитизма в России в нынешнем веке. Но он абсолютно прав, напоминая, что общественное мнение «неустойчиво как погода»; что имплицитный антисемитизм остается; что ничем не лучше и новые формы ксенофобии и среди них — поддерживаемое политической пропагандой, уже упомянутое выше, неприятие западной и либеральной традиции; что русская «ультраправая», иногда смыкаясь с православным алармизмом, хотя и находится внешне под авторитарным контролем, но в любой момент, в силу обстоятельств, может обрести твердую почву как в среде политических элит, так и среди широких масс. Пока эти опасности не изжиты, важность этой книги выходит за рамки того значения, которое определено ее несомненными академическими достоинствами.

А. Агаджанян